

УДК 82.09

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» В УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ СЕРГЕЯ МАКАШИНА
(Часть 2)

*Запись, расшифровка и сверка с фонозаписью М.В.Радзишевской,
подготовка текста Д.В.Радзишевского, комментарии М.А.Фролова.*

Аннотация. Второй раздел публикации включает фрагменты устных воспоминаний С.А.Макашина, записанных и расшифрованных М.В.Радзишевской. Для публикации нами отобраны именно те фрагменты, в которых Макашин говорит об истории собирания архивных материалов, а также об обстоятельствах подготовки и издания целого ряда томов «Литературного Наследства», о наиболее значительных эпизодах судьбы редакции.

Ключевые слова: литературоведение, Литературное Наследство, С.А.Макашин.

Фрагмент четвертой беседы с С.А. Макашиным, 4 октября 1985 года

<...> Хотя бы пунктирно я должен напомнить, сказать несколько слов об этих первых шагах «Литературного наследства». Как я уже говорил, инициатором этого издания был Илья Самойлович Зильберштейн. Он незадолго до этого переехал из Ленинграда в Москву, приехал специально для того, чтобы участвовать в этом издании [18], которое вошло в систему изданий «Журнально-газетного издательства» [19], известного в Москве в те годы издательства, во главе которого стоял Михаил Ефимович Кольцов. Именно Кольцов и дал юридический статут нашему изданию, тем самым материальную основу и квартиру. Мы помещались вместе с другими (их было много, около 20-ти) газетами и журналами в доме, Страстной бульвар, 11, в бывшем особняке коньячного короля России, Шустова. Вот там и проходила наша, так сказать, деятельность вплоть до начала войны.

Возглавлял редакцию рапповский триумвират: Леопольд Авербах, Ипполит Ситковский и Федор Раскольников. В те годы РАПП господствовал в нашей литературе. Собственно говоря, почти все

литературоведческие издания так или иначе находились под эгидой РАППа. Правда, на нашей марке вместе с РАППом стоял еще ЛИЯ Комакадемии, то есть отдел литературы, искусств и языкознания Коммунистической академии. Но в нашу редколлегию входили целиком все рапповцы, все были рапповцами. Ну, я должен сказать об этом триумvirате, о каждом в отдельности. Прямо нужно сказать, что работали все они очень мало, оказывали очень малое влияние на издание. Отчасти этому содействовали внешние их биографические факторы, потому что Ипполит Ситковский очень скоро был назначен нашим представителем нашей печати (не знаю, существовал ли тогда ТАСС, не помню), но, во всяком случае, нашим представителем печати в Берлине, сначала в Чехословакии, потом в Берлине; а Федор Раскольников вскоре стал нашим послом в Скандинавских странах. Леопольд Авербах был занят своей большой организационной работой по «напостовству» и так далее и практически в работе он не участвовал.

Если говорить об участии этого триумvirата, то можно говорить, собственно говоря, о номере первом «Литературного наследства», и еще уже: о предисловии редакции, предисловии, о котором мне стыдно сейчас вспоминать, стыдно его смотреть: до такой степени оно покрыто темной, так сказать, печатью рапповщины. И тут парадокс заключается в том, что рапповщина, как известно, весьма нигилистично относилась все-таки к литературному наследию прошлого, классики, отрицала необходимость изучения 18-го века и так далее и так далее, то есть как раз то, чем мы стали заниматься в «Литературном наследстве». Ну, это была печать времени, неизбежная печать, и тут можно даже не особенно предъявлять им упреки, потому что так распределила, действительно, история, когда других не было. Это относительно Ипполита Ситковского, который собственно и является автором этого одиозного предисловия от редакции, с которым «Литературное наследство» начало свою публичную жизнь [20].

Теперь о Федоре Раскольникове. Отношения с Ситковским Ипполитом у меня как-то не сложились. Отчасти, конечно, может быть, из-за личного момента, потому что это именно он наложил вето на мою первую работу, которая должна была появиться в первой книжке «Литературного наследства», не появилась. Я случайно увидел на столе у Зильберштейна письмо, что печатать статью С.А. Макашина, недавно выпущенного из-под ареста, невозможно. Ну, и он как-то настороженно относился ко мне, и, повторяю, отношения не сложились, хотя, помню, по возвращению его из Берлина, из Чехословакии он приглашал меня домой, мы встречались... Никакой, собственно, вражды у нас не было. Другое совершенно дело Федор Раскольников. Он практически не участвовал в нашей работе, но считал своим долгом каждый раз <...> когда он приезжал из-за границы, он всегда считал своим долгом зайти в редакцию. Почему-то наибольшей симпатией у него пользовался я, у меня была отдельная комната в отличие от теперешней редакции, где мы все сидим в одной комнате, всегда приносил какие-то подарки (я тогда курил): хорошие папиросы или там какие-то небольшие сувенирчики и так далее – и очень много беседовал <...>

И, наконец, Авербах. Ну что сказать о Леопольде Леонидовиче? Это был очень талантливый, очень способный, но очень честлюбивый человек, малообразованный, он мало что знал, но умел

как-то очень быстро все схватывать на ходу, окружил себя деловыми помощниками <...> Он не участвовал в работе «Литературного наследства» совершенно. Просто, ничего не читал, ничего не смотрел, но чувствовал какую-то ответственность, что он все-таки член редколлегии был, а когда Ипполита Ситковского взяли за границу, на заграничную работу, то он стал подписывать уже книги как ответственный редактор, две или три, так сказать, книги. И вот, считая, что он как-то перед нами... ему как-то перед нами было неудобно, то есть «перед нами» – это передо мной и Зильберштейном, потому что рабочую редакцию в первых книгах, рабочий состав... составляют только два человека, если не считать машинистки: Зильберштейн и я. Лишь на третий год я пригласил моего товарища школьного, потом известного литературного критика, Ивана Васильевича Сергиевского, и вот он вошел, так сказать, третьим в нашу работу. Ну, это было на этапе гетевского тома, 4–6, а так мы работали вдвоем.

И вот, когда выходила книга (тогда книжки выходили тонкие, не так редко, как теперь), после выхода этой книги Леопольд Леонидович приглашал нас с Зильберштейном к себе на квартиру (жил он, если я не ошибаюсь, в Большом Казенном переулке, недалеко от Курского вокзала), в свою весьма respectable квартиру и угощал нас роскошным ужином с великолепными винами <...>

Теперь я расскажу очень коротко, пунктирно о первых томах «Литературного наследства», ну, то, что как-то связано с моей биографией и что представляет, так сказать, как мне кажется, наиболее публичный интерес. Говорить обо всем содержании я, конечно, не буду: это было бы слишком сложно и трудно. Ну, в первых трех номерах самое главное заключалось в том, что мы стали публиковать (это наш приоритет был, он остается и теперь), мы публиковали все знаменитые выступления, которые до сих пор не были изданы, классиков марксизма (это Маркса и Энгельса) о литературе и об эстетике. Публикации шли от имени Института Маркса – Энгельса – Ленина, с их предисловием, а готовил их такой изумительный человек Франц Петрович Шиллер, который тоже был вскоре арестован, но, к счастью, он, так сказать, остался жив. Он вернулся потом через 15–20 лет, жил где-то под Москвой, в Подольске, кажется, был, так сказать, такой дом для таких уже старых и больных возвращенцев из того мира. Он там и умер. К сожалению... Он приглашал меня туда приехать, и Бахтин вот там был, но я так и не собрался. У нас были очень добрые отношения <...>

Так вот, понимаете, это его заслуга. Хотя это идет от имени Института Марксизма-ленинизма, но все делают живые люди. Это заслуга Шиллера, который сам проявил эту инициативу и сам вынул эти документы. Там Маркс, главным образом, и Энгельс. Это знаменитые, так сказать, высказывания о Бальзаке, <нрзб.>, письмо к Маргарет Гаркнес, то есть то, что вошло сейчас в классику марксистской эстетики. И вот эти все документы были опубликованы впервые в «Литературном наследстве», и это, конечно, самое главное содержание первых вот этих томов, потому что остальное содержание, откровенно говоря, мы еще не набрали силы, там ничего особенного, так сказать, кроме этого, не было [21].

Ну, вот во втором номере, это просто, так сказать, относится уже к моей личной биографии, это был предпоследний мой контакт с Анатолием Васильевичем Луначарским. Мы нашли одну статью Леонида Андреева о «Литературном распаде» (был такой сборник эпохи революции, это была реакция после девятьсот пятого года) и мы попросили Анатолия Васильевича написать предисловие. Он предисловие написал, а примечания делать отказался и попросил это сделать меня. Вот тут мы с ним выступили в паре: он предисловие, а я комментарии [22]. А последний мой контакт с Анатолием Васильевичем, я об этом уже говорил, это касается уже щедринского тома «Литературного наследства», об этом я рассказывал: статья «Современные призраки» [23].

Номер третий, который опять-таки, как и во втором, самое главное содержание, то, что осталось для истории, является публикация неизданных эстетических, так сказать, материалов Маркса – Энгельса, то там представляет интерес в плане таком, что «Литературное наследство» сводило меня, как и Зильберштейна, конечно, как и других работников потом, с целым рядом интересных людей: это публикация рассказа Добролюбова «Провинциальная холера». Рассказ очень слабый, но тут интересно, как это произошло. Вдруг ко мне в комнату пришел какой-то довольно уже старый человек небольшого роста и представился: «Секретарь Николая Гавриловича Чернышевского». Я обомлел. Все-таки, понимаете, эпоха... Но это было, действительно, так. Это был Федоров, Константин Михайлович Федоров, секретарь Чернышевского уже последнего этапа жизни Николая Гавриловича, когда он вернулся с каторги, из ссылки сибирской и жил в Астрахани. Вот там он писал свои исторические работы и ему понадобилась помощь: у него глаза плохо видели, и вот оказался этот Федоров. Он был его секретарем вплоть до смерти в 89-м году, в Астрахани, потом в Саратове. Он-то, вот, и явился сюда с рукописью, и он сказал, что он знает, что здесь рассказ, знает, что название этого рассказа «Провинциальная холера», но на обложке которой ничего не было. Та<м> очевидно, он говорит, находилась бумага... Вы знаете, вероятно, что Чернышевский еще до своего ареста и ссылки, он мечтал после смерти Добролюбова, которого высоко ценил и любил, мечтал написать биографию его и стал собирать материалы для биографии, еще до своего ареста. И потом, когда он получил возможность кое-какие работы делать там, в ссылке, не на каторге, конечно, он и там собирал материалы путем переписки [24]. Этим занялся он и после возвращения из Сибири в Астрахань.

И вот тут к нему, так сказать, попала от родственников Добролюбова из Горького эта его повесть неопубликованная. Она, по словам Федорова, он даже забыл... она лежала, кажется, у него в окне астраханского дома, солнце там жгучее, там так всё выгорело, что там ничего не было. И мне пришло в голову идея пойти в Институт судебной медицины Сербского в Штатном переулке, теперь переулок Кропоткина, на Кропоткинский, и обратиться, так сказать, к их механике. И они, действительно, вытащили эту надпись, да, действительно, «Провинциальная холера». Мы его опубликовали. Рассказ очень слабенький. Добролюбов не был, так сказать, художником, но все-таки, так сказать, неизданная вещь Добролюбова [25].

Для меня это было очень много интересного, потому что он много рассказал о последних днях, месяцах жизни Чернышевского, в частности, я расспрашивал его об отношениях к Салтыкову-Щедрину. Он мне подтвердил все то, что мне было известно отчасти из воспоминаний <...>

Лонгина Федоровича Пантелеева [26], который специально приезжал к Чернышевскому в 89 году в Астрахань, и вот написал. Ну, об этом я, может, потом вспомню, когда буду говорить о своей работе над биографией Салтыкова-Щедрина. Вот это было такое интересное знакомство с секретарем Чернышевского.

Теперь так: номер 4–6. Это этапный том в истории «Литературного наследства», потому что это первый персональный том, который потом стал постоянным нашим... Сейчас мы уже сборных томов не делаем. Это был первый персональный том, посвященный Гете, вышел он в связи с юбилеем большим Гете, в 32-м году, это столетие со дня смерти, опять-таки, Гете [27].

Он был этапный, этот том, и в том смысле, что это был первый выход «Литературного наследства» за пределы национальных архивов. Этот том, в значительной степени, был построен на материалах, полученных нами за границей, в Германии. Еще Гитлер не пришел к власти, хотя и набирал уже, так сказать, силу. Главным источником, который питал этот том, был «Гете – Шиллер архив» в Веймаре. Ведал этим архивом профессор доктор Валь. Мы завели с ним переписку, переписку эту вел я и Зильберштейн, очень интересная переписка [28]. Не знаю, где она, сохранилась или нет, потому что во время войны, когда уже наша редакция была перевезена (не знаю даже почему, меня в Москве не было тогда) на чердак в Комакадемию, Волхонка, 14, попала там бомба горящая, пожарные заливали водой [29] и... Либо там это погибло, эта часть нашего архива, переписка, очень важная, либо Зильберштейн взял эту ценную переписку и она находится у него, так сказать, это тайна его архива, я не знаю.

Во всяком случае, это была очень интересная переписка, которую, конечно, мы не в полной мере использовали, но она была особенно ценна тем, что она дала материал, уникальный материал, для изучения русских связей Гете. Потому что в конце 18 – начале 19 века было две больших культурных тропы русских на Запад: в Ферней, к Вольтеру, куда очень много русских людей побывали, а другая, более поздняя, – это Веймар, Гете. И вот там, в Веймаре, нашлись неизданные письма Кюхельбекера, и Александра Ивановича Тургенева, и Востокова, и целого ряда других. Когда мы получили этот драгоценнейший материал, возник вопрос, кто же в состоянии это все осмыслить, как-то разобрать. Специалистов не было. Был, правда, великолепный специалист уже по Гете, по самому, но не по русским связям, Габричевский, который нам создал, сделал великолепную публикацию: описание автографов Гете, которые хранятся в архивах Советского Союза. Но за это не брался, потому что тут нужно было проделать очень большую, так сказать, работу, именно в изучении русских связей Гете.

Тогда мы узнали, что интересовался этой темой известный литературовед Сергей Николаевич Дурылин, бывший священник, когда-то был даже друг, или знакомый, Розанова, даже участвовал в похоронах этого Розанова, очевидно, он не был... не был снят с него этот сан священника... А я с ним познакомился, когда он приезжал, он был в ссылке в легендарном Керженце, Нижегородской, Горьковской области, но у него было ограничение Москва. Тем не менее я тогда, нуждаясь в регулярных каких-то питаниях, так сказать, потому что закрыли тогда столовую дешевую, где я питался, толстовцев в Камергерском переулке, я нашел через знакомых одну

женщину на Арбате, которая знала Сергея Николаевича Дурылина, и она была связана каким-то образом и с этим Розановым. И от нее я узнал, что как раз Сергей Николаевич этими темами интересуется. Но как быть? Он в Керженце, он в ссылке, а мы здесь, а материалы в Веймаре и так далее – трудно.

И вот тут как раз помог Зильберштейн. Это одно из чудес <...> Он добился того, что Дурылина вытащили из Москвы, сняли с него это самое...

Р<адзишевская>: Не из Москвы...

М: Из Керженца в Москву, дали ему... сняли с него ограничения, дали ему квартиру, и он стал для нас, так сказать, работать. Как это произошло? Заместителем Кольцова, заместителем директора «Журнально-газетного объединения» была... забыл фамилию... я потом вспомню... я сегодня еще помнил ее... она была женой заместителя Ягоды по ГПУ, тогда это называлось. Она и носила фамилию его, этого... потом я попытаюсь вспомнить. Вот через нее, понимаете, при участии Кольцова, это Ягода сделал, нам такую, так сказать, услугу, и началась эта работа [30]. Работа была великолепная совершенно. Конечно, мы помогали ему, потому что все-таки ограничения тогда на первых порах оставались: его не пускали в Ленинскую библиотеку, нужно было наводить справки и так далее... Во всяком случае основная работа была Сергея Николаевича Дурылина. Это одна из самых таких, так сказать, классических работ в «Литературном наследстве» [31]<...>

Вот это гетевский том, который, повторяю, был этапным.

Должен сказать так, что вводная статья в этот том «О великом гении и узком филистере» Авербаха, эта статья, так же, как статья о Щедрине-большевике, которая была в основном собрана, в материале, мною, а написана Зиновьевым, так и эта статья: она была написана и собрана двумя людьми: в основном, Иваном Васильевичем Сергиевским и мною, так сказать, участвовал, а Леопольд Леонидович уже, так сказать, дал литературную обработку и дал нажим политический «о филистере» и так далее. Это было его выступление на юбилее Гете, который состоялся в том же 32-м году в Колонном зале Дома Союзов.

Теперь следующий после этого том, 7–8 – это том... сейчас я отмечу только, что там продолжались публикации материалов Энгельса: там было напечатано его письмо-выступление к Маргарет Гаркнес о тенденциозности, учение о тенденциозности, одна из критических его работ марксистской эстетики [32]... А я хочу еще упомянуть, что в этой книге – начало наших герценоведческих занятий, которые потом заняли такое огромное место в «Литературном наследстве». Там была впервые опубликована работа покойного Николая Михайловича Мендельсона, великолепного специалиста дореволюционного еще по Герцену – «Судьба литературного наследства Герцена» [33].

Как произошло то, что чуть не кончилась судьба «Литературного наследства» на 7–8 номере. Это было... сейчас я вам скажу... это было в 33-м году. Опять-таки Илье Самойловичу Зильберштейну, богато<му> на всякого рода инициативы, пришла в голову идея посмотреть первую послереволюционную печать столичную, в Петрограде и в Москве, когда Ленин вернулся из эмиграции и когда он очень часто выступал. И вот родилась такая идея, что кое-какие выступления записывались, просто стенографически печатались в печати тогда, кое-какие выступления корреспондентами излагались по впечатлению, изложение было, но очень многих выступлений не было... Тогда первое собрание сочинений Ленина было, но там было, конечно, не все. Вот нужно было посмотреть.

Я собрался... все эти газеты уже были недоступны в Ленинской библиотеке и они находились в спецхране в архиве Октябрьской революции, который помещался тогда в подвалах теперешнего ГУМа. Тогда ГУМа там не было. Вот я там просидел месяца два и, в общем, набрал около 40 разного рода выступлений Ленина и статей. Не статей, это не были статьи, это были всё устные выступления на фабриках, заводах и так далее. Либо, повторяю, это было сказано, что это точная стенографическая запись, либо это был репортерский отчет, либо это были отдельные реплики Ленина – всего было около 40 выступлений, а более или менее ценных выступлений было примерно 19, насколько помню.

Мы не были, конечно, настолько легкомысленны, чтобы все это дать в печать, потому что все это была буржуазная, в основном, печать... но, конечно, не только буржуазная: там были и эсеровские газеты, большевистские газеты были... Но все это было сложно тогда, потому что эсеры были тогда и правые и левые, и левые эсеры тоже были не вполне солидарны, так сказать, с руководящей линией партии, коммунистической. Мы дали все это на просмотр в Институт марксизма-ленинизма [34].

Там, нужно сказать, у нас, у меня, были хорошие связи, именно у меня, потому что во главе Института марксизма-ленинизма находился тогда Василий Яковлевич Адоратский и, когда я к нему пришел впервые и он узнал мою фамилию, сказал: «Не сынок ли вы Софьи Сергеевны Макашиной?». Это была моя мать. Я говорю: «Да». Он сказал: «Я ухаживал за вашей матушкой». Он был воспитанник казанской реальной школы. Потом моя мать подтвердила это. И он как-то, так сказать... воспоминания... он ко мне хорошо относился.

Ну, дали им. Они провели очень жесткий отбор, и из этих сорока выступлений и 19-ти цельных выступлений они отобрали только 9. Эти 9 с предисловием издательства «Литературного наследства», но с указанием, что все приводимые записи выступлений Ленина печатаются с разрешения Института Маркса – Энгельса – Ленина, и появились в 7–8 книге «Литературного наследства» [35].

Еще до выхода этой книги в свет, когда, однако, она уже была отпечатана, раздался звонок в редакцию из Центрального Комитета партии. Нас попросили срочно доставить 9 экземпляров публикации несобранных выступлений Ленина. Мы поняли, что это значит: всем было известно

тогда, что секретариат ЦК, кажется, так тогда называлось теперешнее Политбюро, секретариат ЦК состоял тогда из 9-ти человек. Потом нам стало известно от Авербаха... Он был главным редактором в это время... Конечно, этой публикации не видел, то есть она ему посылалась, но он ее не читал, не смотрел... Но он, как главный редактор, был вызван не на самое выступление, а потом ему доложили об этом выступлении, и он рассказал нам, что председательствовал Сталин, выступил Ворошилов, который тогда, по-моему, уже занимался культурными делами по ВЦИКу, и сказал, что... Я не помню, кто там докладывал, сейчас я не помню, кто докладывал на секретариате ЦК, во всяком случае, оидозное заключалось в том в этих публикациях, что в одной или двух публикациях были обнаружены троцкистские идеи перманентной революции от имени Ленина. Так это или нет, я не знаю. Во всяком случае, вина это была все-таки не наша, мы не специалисты по Ленину, все это рассматривалось в Институте марксизма-ленинизма, а это они, так сказать, недосмотрели. Но так это было формулировано. Может, это было не так, потому что когда я потом посмотрел, то я никаких там идей перманентной революции Троцкого там не обнаружил. И когда это было сказано, сказано, что запретить выход этого тома, была вырезка эта сделана. Ну, а Ворошилов сказал: «Нужно вообще запретить это издание. Что они делают такие вещи: компрометируют Ленина нам». И тут выступил Сталин и сказал: «Ну зачем запрещать? Издание хорошее. Они делают полезное дело: публикуют документы исторического прошлого. Только нужно строго указать редакции, чтобы оно не занималось не своими делами. Это “Литературное наследство” и их дело заниматься литературой, историей литературы, а не политическими документами. Для этого у нас есть свои издания. Предлагаю объявить строгий выговор главному, ответственному редактору Авербаху». Вот он был вызван, получил этот самый строгий выговор. Ну, конечно, он был настолько умен, чтобы не ставить себя в глупое положение и сказать, что он не читал этих публикаций, потому что он нес ответственность за это <...> Издание, так сказать, сохранилось, но нам было запрещено заниматься публикацией политических документов, относящихся к современности, к Ленину и так далее [36].

Ну, а 9–10 том, посвященный 18-му веку [37], тоже этапный том и важный том, потому что... И тут опять-таки противоречие между триумvirатом, так сказать, вернее рапповской редакцией, рапповской маркой у нас на титуле и то, что это посвящено 18-му веку. Рапповцы, как известно, не поощряли занятие 18-м веком: дворянская литература – кому это нужно... Для них литература начиналась с Пушкина. Но мы решили пойти на это дело. И тут нужно сказать, что в нашей редакции... оказал нам помощь в этом деле... появился замечательный такой человек, которому я тоже очень многим обязан просто лично – это князь Дмитрий Петрович Мирский <...>

И вот он нам помог в 18-м веке. Он через Горького убедил Авербаха, что такой том нужен. Это том, который в основном делал Сергиевский, я в нем не участвовал, в этом томе, и такой замечательный, тоже погибший человек, Гуковский, Григорий Александрович Гуковский. Ну, потом там была полемика с Мирским по этому поводу, но это дело другое. Во всяком случае этот том был первенцем советского изучения, серьезного изучения 18-го века. До этого 18-й век в советской литературе как-то никто не трогал, боялись этого трогать. Так что это тоже этапный, так сказать, том, за которым стоят помощь Горького и Мирского [38].

11-й, 12-й, 13-й и 14-й тома, о них я говорил – это щедринские, так сказать, тома.

А 15-й том – это следующий персональный том, посвященный Пушкину. Ну, о Пушкине говорить новое слово, так сказать, трудно, но все-таки и там были кое-какие интересные документы. Том этот вызвал в свое время большую прессу в печати, очень положительную, интересную [39].

19–21 тома – это тома тоже, так сказать... ниточка тянется к современности... Там впервые появился обзор покойного Кирилла Васильевича Пигарева «Судьба литературного наследства Тютчева», одна из лучших работ о Тютчеве, итоговая работа, классика такая [40] <...> И когда, вот, Кирилл Васильевич Пигарев лет десять тому назад пришел ко мне в комнату сюда, он уже знал, что он болен, что болезнь его неизлечимая, болезнь Паркинсона, и стал умолять меня взять... он задумал... тютчевский том, отдельно еще, не в рамках «Литнаследства», а в рамках Института мировой литературы, но сказал, что он болен, что он понимает, что довести ему нельзя этот том до конца, он просит меня взять этот том под свое руководство, в том «Литературного наследства». Я отказывался, говоря, что я очень люблю Тютчева, это единственный поэт, которого я почти знаю все стихи наизусть, но я не тютчевовед. Он сказал: «Я вам еще помогу, у меня еще есть силы» <...> Но тем не менее мы справились с этим томом, сейчас он сдан и, конечно, это будет, так сказать, маленькое событие в тютчевоведении, потому что том получился очень интересный, замечательный [41].

Вот это пример тому, как какие-то более зрелые сочинения «Литературного наследства», какую долгую, так сказать... нить тянется к первым замыслам. Вот я вам назвал Герцена: от судьбы первого обзора мы дошли до собирания всего зарубежного архива Герцена. Это колоссальная работа [42]. И как от первого, тоже «Судьба литературного наследства Щедрина», моей работы, мы дошли, так сказать, до щедринских томов. И, наконец, вот от обзора опять-таки «Судьба Тютчева...» мы дошли до тютчевских томов. Это все годы, и годы, и годы, истоки наших первых замыслов.

Ну, и, наконец, том 22–24 тоже очень знаменитый том, потому что... тут тоже я начну с личных воспоминаний. Опять-таки ко мне в комнату входит как-то совершенно такая изумительная по живописи фигура: старик, с бородой, какой-то величавый, с аристократическим лицом, в такой шубе с бобровым воротником, которые шили до революции, баре большие, так сказать, ходили, дряхлый уже старик, но бодрый и говорит: «Шаховской. Дмитрий Шаховской. Я вам принес в “Литературное наследство” пять неизданных философических писем Чаадаева». Я просто не поверил. Это тоже событие. Знаменитые в истории культуры письма Чаадаева – и вдруг пять новых писем! А раньше было известно только четыре письма. Это была определенная, как вы знаете, культурная веха в истории русской культуры. Герцен об этом писал. И вдруг пять новых писем!

Ну, Дмитрий Иванович Чаадаев (оговорка Макашина, надо: Шаховской – прим. М.В.Радзишевской) – он правнук декабриста Шаховского и внучатый, так сказать, правнук Чаадаева самого, почему это и сохранилось. Также велись разговоры. Это знаменитый человек.

Он несколько раз беседовал с Лениным, он член ЦК кадетской партии был, он основатель группы «Освобождение», подписал знаменитое это воззвание против войны. В общем, человек знаменитый. К сожалению, и он тоже вскоре, несмотря на свои годы, был арестован и тоже, так сказать, погиб. Но эта публикация, так сказать, у нас опубликована. Вот еще одно знакомство с замечательным русским человеком [43].

Ну, 25–26 том – это тоже том, который начал, так сказать, нашу большую линию, том, посвященный Чернышевскому и Добролюбову [44]. Правда, раньше были еще щедринские тома. Это была линия, которая заняла большое место в истории «Литературного наследства», линия изучения литературного наследия революционных демократов. Значит, сначала Щедрин, потом Добролюбов, Чернышевский, потом, так сказать, Герцен. Ну, и это наследие заняло б?льшую часть наших, так сказать, томов. Понятно почему. Потому что наследие Пушкина, Лермонтова и так далее – оно изучалось в дореволюционном литературоведении. А наследие революционных демократов практически было закрыто для изучения, особенно, конечно, Герцена, Чернышевского, и поэтому здесь больше всего сохранилось в архивах материалов. Опять-таки вот это том, который послужил истоком для наших дальнейших томов: и некрасовских три тома, три тома Белинского, сборный том по революционным демократам, 87-й том [45], и наша герцениана [46].

22–23 том тоже была новинка, как и 18-й век, – символизм. В ту эпоху символизмом никто не занимался. И так же, как 18-й век, этот том был пионером в литературоведении советском, такое академическое, серьезное изучение целого большого литературного течения как символизм, с замечательной статьей Асмуса [47].

Ну, и наконец, мы здесь подходим к томам «Русская культура и Франция», к томам очень сложным, тоже этапным, очень важным, но здесь, я думаю, что мы можем на этом деле сегодня остановиться, потому что это довольно большой рассказ об этих томах <...> Это, так сказать, другой этап уже будет [48]...

КОММЕНТАРИИ

[18] В 1923–1926 гг. И.С. Зильберштейн учился на историко-филологическом факультете университета, где его преподавателями были, в частности, Борис Львович Модзалевский (1874–1928), историк литературы, архивист, основатель Пушкинского Дома, и Павел Елисеевич Щеголев. В автобиографии 1988 г. Зильберштейн писал: «В 1930 году директор Журнально-газетного объединения М.Е. Кольцов предложил мне переехать в Москву и заняться подготовкой первого приложения к журналу “Огонек” – собрания сочинений А.П. Чехова. Но самая заветная мечта тех молодых лет моей жизни – приступить к изданию сборников публикаций неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли. Название этим сборникам я дал: “Литературное наследство”. Вскоре удалось получить разрешение на такое издание. И 1 марта 1931 года я приступил к подготовке первых трех книг» (цит. по: И.С. Зильберштейн: Штрихи

к портрету: К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2006. С. 17). Кольцов Михаил Ефимович (наст. фам. Фридлянд; 1898–1940, расстрелян), журналист, публицист.

[19] Имеется в виду Журнально-газетное объединение Наркомата просвещения РСФСР (1931–1938; основано на базе Акционерного издательского общества «Огонек» (1926–1931)), существование и чрезвычайно плодотворная деятельность которого оборвалась с арестом М.Е. Кольцова и целого ряда сотрудников объединения и его расформированием в мае 1938 года.

[20] Раскольников Федор Федорович (наст. фам. Ильин; 1892–1939), общественный и политический деятель, дипломат, писатель, член редакционной коллегии «ЛН» в 1931–1932 гг. Ср. в воспоминаниях С.А. Макашина: «“Литературное наследство” было учреждено как орган РАПП и Института ЛИЯ Комкадемии. Соответственно, редколлегия первых номеров была рапповской <...> И. Ипполит (Ситковский) был рапповцем, что называется, чистой воды и вместе с тем деятелем, “стоявшим на страже”. Он был главным редактором в первых номерах “Литературного наследства” и автором программного предисловия “От редакции”. Это темное пятно, оставленное временем на 1-м номере “Литературного наследства”. Читать сейчас это предисловие тяжело и стыдно, настолько оно пропитано рапповским невежеством, догматизмом и грубостью» (Макашин С. Изучая Щедрина (Из воспоминаний). С. 131–132). В редакционном предисловии, открывающем первый том серии, встречались, в частности, такие «пассажи»: «Развертывание ленинского этапа в литературоведении обязывает нас вплотную подойти к этому участку, всерьез заняться вопросами истории литературы, изучения и освоения литературного наследства. Задача нашего издания – поднять эти проблемы на политическую и принципиальную высоту, ведя с ленинских позиций последовательную и непримиримую борьбу со всеми буржуазными взглядами, с троцкистской контрабандой, с право- и «лево»- оппортунистическими уклонами от ленинской теории и с гнилым либерализмом <...> Лишь недостатком бдительности у некоторой части коммунистов-литературоведов можно объяснить тот факт, что с таким громадным опозданием ставится во всю ширь вопрос о классовом враге на участке истории литературы и публикации документов и материалов <...> Покончив с крохоборчеством и гробокопательством, с работой «по личному вкусу», руководясь степенью политической значимости и необходимости той или иной связки материалов для ленинского литературоведения, мы используем разработки и публикации для показа подлинного лица классической литературы, а также для построения и создания марксистско-ленинской истории литературы <...> И наши сборники должны стать не «академическим» журналом, убежищем «архивных крыс», а боевым большевистским органом, достойным тех задач, которые ставят перед наукой партия и рабочий класс» (От редакции // Литературное Наследство. Т. 1. М.: Жур.-газ. объединение, 1931. С. 2, 4, 6). К счастью, «концептуальное» содержание предисловия, очень скоро разошлось с реальной действительностью, и «Литературное Наследство» уже в самом начале своего пути обрело статус одного из ведущих, авторитетнейших отечественных архивных и историко-литературных изданий.

[21] Ф.П. Шиллер был арестован 28 октября 1938 года в Москве по ложному политическому обвинению («участие в контрреволюционной деятельности»), а 15 августа 1939 года приговорен к

пяти годам исправительно-трудовых лагерей (Магадан, Дальстрой), на свободу вышел лишь в 1948 году и несколько лет работал на Дальнем Востоке по вольному найму. Впоследствии преподавал немецкий язык в школе в селе Красноярка Омской области. Последние годы жизни провел в жутких условиях в Домах инвалидов Омска и Красноярска (Пушкинский дом инвалидов, Дом инвалидов-туберкулезников). См.: Эккарт В.К. Франц Шиллер. Краткий очерк жизни, педагогической и научной деятельности. Красноярск: Литера-Принт, 2014. См. также публикации Шиллера в «Литературном Наследстве»: Фридрих Энгельс о Бальзаке: Неизданная переписка Энгельса с Маргарэт Гаркнес / Предисл. Ин-та Маркса – Энгельса – Ленина; Послесл. «Маркс и Энгельс о Бальзаке и реализме в литературе» и коммент. Ф. Шиллера // Литературное Наследство. Т. 2. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. С. 1–14; Шиллер Ф. Гете в западной критике. Литературное Наследство. Том 4-6: Гете. С. 773–816; Им же, судя по гонорарным ведомостям, написано редакционное предисловие к публикации «Маркс и Энгельс о трагедии Лассалю “Франц фон Зикинген”»: Переписка Маркса и Энгельса с Лассалем» в третьем томе «Литературного Наследства» (1932), а также подготовлена к печати (совместно с Г. Лукачем) первая из двух книг серии «Библиотека журнала “Литературное Наследство”»: Маркс и Энгельс о литературе: Новые материалы / Коммент. Ф. Шиллера и Г. Лукача. М.: Жур.-газ. объединение, 1933.

[22] Леонид Андреев о «Литературном распаде» / Предисл. А. Луначарского «Борьба с мародерами»; Примеч. С. Макашина // Литературное Наследство. Т. 2. С. 101–116.

[23] См. примеч. 99 и 103 к разделу I.

[24] Материалы для биографии Добролюбова собирались Чернышевским с конца 1861 года. К 1890 году к печати были подготовлены два тома, из которых увидел свет лишь один. См.: Материалы для биографии Н.А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. <Н.Г. Чернышевским>. Т. 1. М., 1890. Кроме того, Чернышевский стал первым редактором (и, в какой-то степени, первым текстологом) сочинений Добролюбова. См.: Сочинения Н.А. Добролюбова. Под ред. Н.Г. Чернышевского. Т. I–IV. М., 1862.

[25] Федоров Константин Михайлович (1866–1947), журналист, краевед, мемуарист, в 1885-1889 гг. – секретарь Н.Г. Чернышевского; музейный работник (в 1930-е гг. – сотрудник Музея при Институте Маркса-Энгельса-Ленина, в 1940-е гг. – сотрудник Музея Н.Г. Чернышевского в Саратове). См.: Добролюбов Н.А. «Провинциальная холера» / Предисл. Б. Резникова «Литературный Робеспьер»; Коммент. К. Федорова; Примеч. «От редакции» // Литературное Наследство. Т. 3. С. 109–142.

[26] Пантелеев Лонгин Федорович (1840–1919), издатель, мемуарист. См.: Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1958.

[27] См. письма Макашина, относящиеся к истории работы над «гетевским» томом «Литературного Наследства», в разделе I.

[28] Валь Ханс (Wahl Hans; 1885–1949) – немецкий филолог, архивист, директор Архива Гете–Шиллера в Веймаре в 1928–1946 гг.

[29] Редакционный архив «Литературного Наследства», включавший в себя материалы, относящиеся к 1930-1950-м гг., а также материалы редакционного портфеля сборников «Звенья» и «Летописи Государственного Литературного Музея», был передан в 1956 году на временное хранение в Издательство АН СССР. В 1959 году Зильберштейн, узнав об уничтожении архива, писал директору издательства А.И. Назарову: «В марте 1956 г. в связи с тем, что вся наша редакция ютится в одной комнате и не имеет никакого подсобного помещения, издательство предоставило нам стеллажи в своем архивном помещении рядом с типографией <...> В связи с обращением Куйбышевского обкома партии о предоставлении <...> архивных материалов о писателе Неверове, имевшихся в нашем распоряжении, я отправился сегодня в архив при типографии, чтобы взять соответствующие три папки, поименованные в нашей описи по № 33–35. Каково же было мое возмущение, когда я увидел, что весь наш архив, по-видимому, полностью уничтожен, а стеллаж занят посторонними материалами <...> Как нам удалось только теперь случайно установить, за те три года, что наш архив хранился в этом помещении, там дважды производилось уничтожение, причем об этом факте нас никогда никто не ставил в известность» (См.: Галушкин А.Ю. Из истории редакционного архива «Литературного наследства» (к 80-летию основания издания) // Отечественные архивы. 2010. № 2. С. 41-48).

[30] После ареста в июне 1927 года по нелепому обвинению в пропаганде учения Розанова и после четырех месяцев заключения в Бутырской тюрьме, Дурылин был отправлен по этапу в ссылку в Томск на три года. В 1928-1930 гг. он жил в этом городе вместе с последовавшей за ним женой под гласным надзором ОГПУ. В сентябре 1930 года ссылка была заменена поселением (благодаря заступничеству Е.П. Пешковой, В.Д. Бонч-Бруевича и И.С. Зильберштейна), в октябре Дурылин переезжает в Киржач, подвергается однодневному аресту (гласный надзор ОГПУ продолжается все это время). В 1932 году серьезно заболевает, но вновь только благодаря поддержке и хлопотам близких, друзей и коллег в 1933 году получает разрешение на выезд на лечение в Москву, куда переезжает в декабре, пережив потерю личного архива (в феврале-марте 1934 года Дурылин будет проходить лечение в Клинике нервных болезней на Девичьем поле). Только в 1936 году ему будет выделен участок под строительство дома в подмосковном Болшеве. См.: Торопова В.Н. Сергей Дурылин: Самостояние. М.: Молодая гвардия, 2014 (Серия «Жизнь замечательных людей»). С. 244-270, 331-332.

[31] См. примеч. 48 к разделу I.

[32] См. примеч. 21.

[33] См. примеч. 113 к разделу I.

[34] Первоначально на 38 страницах тома 7-8 была помещена публикация С.А. Макашина, изъятая из большей части тиража: Из нескольких выступлений Ленина 1917–1919 гг. / Предисл.

ред. // Литературное Наследство. Т. 7-8. С. 329–366. Эта публикация была заменена разделом «Из забытого литературного наследства Маяковского» (со статьями «Маяковский в “Новом Сатириконе”» В. Тренина и Н. Харджиева, «Несобранные произведения послереволюционного Маяковского» Л. Поляк и Н. Реформатской, а также статьей А. Михайлова «Проблемы изучения русского искусства эпохи капитализма».

[35] В уцелевшей от цензурного вмешательства части тиража тома опубликованы тексты 26 выступлений Ленина, напечатанных в газетах первых революционных лет.

[36] Следующие тома «Литературного Наследства», «относящиеся к современности», если не считать весьма заметный том 27-28, посвященный истории русского символизма (см. примеч. 47), начали выходить лишь в конце 1950-х гг. (например: «Новое о Маяковском», т. 65, 1958; «Горький и советские писатели», т. 70, 1963).

[37] Литературное Наследство. Т. 9-10: XVIII век. М.: Жур.-газ. объединение, 1933.

[38] Подробно об истории создания тома, а также о дискуссии вокруг изучения литературы XVIII в. см. в обстоятельно документированной статье: Костин А.А. Изучение русской литературы XVIII века в 1930-е годы: (Переписка редакции «Литературного наследства» с Г.А. Гуковским и другими авторами) // Русская литература. 2009. №2. С. 79–104. Мирский (наст. Святополк-Мирский) Дмитрий Петрович кн. (1890–1939, погиб в заключении), литературовед, литературный критик, публицист. Гуковский Григорий Александрович (1902–1950, умер в заключении), специалист по русской литературе XVIII–XIX вв. Оба филолога принимали (вместе с И.В. Сергиевским) ближайшее участие в подготовке тома. См. публикации Гуковского («Подпольная поэзия 1770–1800-х годов», «Солдатские стихи XVIII века» (обе в соавторстве с В.Н. Орловым); обзор «Литературное наследство Г.Р. Державина»; сообщение «Стихи на злодея Пугачева» (под псевдонимом Г. Александров)), его концептуальный критический обзор современной литературы по проблематике тома «За изучение восемнадцатого века», статью Мирского «О некоторых вопросах изучения русской литературы XVIII века», напечатанную в разделе «Трибуна» и не менее полемичную, чем упомянутый обзор Гуковского, и ответную реплику «По поводу статьи Мирского» И. Сергиевского. Материалы упомянутой Макашиным полемики учтены в библиографии: Д. Мирский (Д.П. Святополк-Мирский): Материалы к библиографии / Сост. О.А. Коростелев при участии М.В. Ефимова // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., материалы к библиограф. О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. ст. Дж. Смита. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 528-572.

[39] Оговорка Макашина: речь идет о томе 16-18 «Александр Пушкин» (1934). См. также примеч. 66-68, 70, 98, 106 к разделу I. Отлики на этот том в печати см.: Литературное Наследство. Т. 104. Кн. 1. С. 365-366.

[40] Пигарев Кирилл Васильевич (1911–1984), специалист по русской литературе XIX в., краевед, правнук Ф.И. Тютчева; директор Государственного музея-усадьбы Ф.И. Тютчева «Мураново»

(1949–1980). См. публикацию, упомянутую Макашиным: Пигарев К. Судьба литературного наследства Ф.И. Тютчева // Литературное наследство. Т. 19-21. М.: Жур.-газ. объединение, 1935. С. 371–418.

[41] Литературное Наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 1 / Отв. ред. С.А. Макашин, К.В. Пигарев, Т.Г. Динесман. М.: Наука, 1988; Литературное Наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. М.: Наука, 1989.

[42] См.: «Литературное наследство»: страницы истории. Из архива С.А. Макашина (к 80-летию основания издания) / Публ. и подгот. текста А.Ю. Галушкина; вступ. зам. А.Ю. Галушкина при участии М.А. Фролова; коммент. М.А. Фролова (раздел 1) и А.Ю. Галушкина (разделы 2-4)) // Русская литература. 2011. № 2. С. 68-69 (и коммент. 23, 25-26, 32-33).

[43] Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939, расстрелян), специалист по русской литературе и истории общественной мысли XIX в., общественный деятель, один из создателей конституционно-демократической партии и бессменный член ее центрального комитета (1905–1917), в мае-июле 1917 г. – министр призрения во Временном правительстве, в 1918-1919 гг. – один из организаторов «Союза возрождения России» и «Всероссийского национального центра», внучатый племянник П.Я. Чаадаева. Подписал «Выборгское воззвание» от 9 (22) июля 1916 года (после роспуска первой Государственной Думы), с призывом к гражданскому неповиновению в отношении налогов и военной службы вплоть до следующего думского созыва. См. публикацию, упомянутую Макашиным: Неизданные «Философические письма» П.Я. Чаадаева / Вступ. статьи «О новых “Философических письмах” П.Я. Чаадаева» В. Асмуса и «П.Я. Чаадаев – автор “Философических писем”» Д. Шаховского; Публ., пер. с фр. и коммент. Д. Шаховского // Литературное Наследство. Т. 22–24. М.: Жур.-газ. объединение, 1935. С. 1–78.

[44] Литературное Наследство. Т. 25–26. М.: Жур.-газ. объединение, 1936. В этот том вошли статьи и публикации В. Полянского <П.И. Лебедева-Полянского>, Г.О. Берлинера, Н.Ф. Бельчикова, В.А. Сушицкого, Н.М. Чернышевской, Н.В. Богословского, Н.А. Алексеева, Б.Я. Бухштаба, С.А. Рейсера, И.Г. Ямпольского, М.М. Клевенского, В.Е. Евгеньева-Максимова, И.И. Векслера (и других исследователей), посвященные биографии и литературному наследию Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Некрасова, Д.И. Писареву, Ф.М. Решетникову, М.А. Антоновичу, Н.В. Шелгунову, Н.А. Серно-Соловьевичу, М.Л. Михайлову. Особая роль в подготовке тома принадлежала Б.П. Козьмину.

[45] В 1940-1950-е гг. вышли из печати фундаментальные «персональные» тома «Литературного Наследства», посвященные Некрасову (тт. 49-50, 51-52, 53-54; 1949), Белинскому (тт. 56, 57, 58; 1948-1951), а также сборный том «Революционные демократы: Новые материалы» (т. 67; 1959). В 1977 году появился том 87 «Из истории русской литературы и общественной мысли. 1860–1890-е гг.», посвященный И.А. Гончарову, А.П. Чехову, В.М. Гаршину, Н.С. Лескову, эпистолярному наследию Л.И. Мечникова, С.М. Степняка-Кравчинского, П.Л. Лаврова, журналистики и общественному движению 1860-х гг.

[46] См. примеч. 113 к разделу I.

[47] Оговорка Макашина. Речь идет о томе 27-28 (1937), целиком посвященном русскому символизму и творчеству его ярчайших представителей – В.Я. Брюсова, А.А. Блока, Андрея Белого. Статьей философа, педагога Валентина Фердинандовича Асмуса (1894–1975) «Философия и эстетика русского символизма» открывается «символистский» том «Литературного Наследства». Также в подготовке тома приняли участие, как авторы и публикаторы, В.А. Гофман, Б.С. Мейлах, Н.К. Гудзий, Н.С. Ашукин, Д.Е. Максимов, В.Н. Орлов, К.Н. Бугаева, А.С. Петровский, А.А. Ильинский, Д.М. Пинес.

[48] См. примеч. 106 к разделу I.

© Макашин С.А., наследники, 2015.

© Фролов М.А., комментарии 2015.

Материал поступил в редакцию 10.08.2015

‘LITERARY HERITAGE’ IN THE ORAL MEMORIES OF SERGEI MAKASHIN

(PART 2)

*Recording, decoding and verification with phonorecording by M.Radzishvskaya,
preparation of the text by D.Radzishvsky, comments by M.Frolov.*

Absrtact. The second section of the publication includes the fragments of S.A.Makashin’s oral memories, which recorded and transcribed by M.V. Radzishvskaya. For publication we have chosen selected precisely those fragments which include Makashin’s stories about the history of collecting archival materials, the most significant episodes of the fate of the editorial office, as well as the circumstances of the preparation and publication of a number of volumes of the «Literary Heritage».

Key words: literature, Literary Heritage, S.A.Makashin.